

НАКАЗАНИЕ КАК ПРЕВЕНТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ: ОБЗОР ИНТЕГРАТИВНЫХ ПОДХОДОВ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СДЕРЖИВАНИЯ

Гуринская А.Л.

*доцент кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург) кандидат юридических наук, доцент*

Ключевые слова: наказание, теория сдерживания, теория рационального выбора, поведенческая экономика, ситуационное предупреждение преступлений, теория самоконтроля

Аннотация: В работе на основе анализа криминологической литературы рассматриваются основные направления, по которым происходит интеграция теории сдерживания с иными теориями. Изначальной задачей теории сдерживания являлась оценка общепревентивной функции наказания. В последние годы в наибольшей степени концептуальное единство было достигнуто с криминологической теорией рационального выбора. В статье демонстрируется, что обе теории отталкиваются от модели индивида как рационального субъекта, способного подсчитать выгоды и убытки от своего поведения и принимающего решение о совершении преступления на основании этих подсчетов. Вместе с тем, мы показываем, что, благодаря интеграции с поведенческой экономикой (теорией перспектив и теорией двух систем мышления), теория сдерживания обогатилась представлениями о том, что индивид не всегда абсолютно рационален; его поведение может быть обусловлено предпочтениями в отношении риска и неопределенности, а также особенностями когнитивных процессов. Далее в статье рассматривается, как интеграция с теорией самоконтроля обращает интерес к особенностям личности правонарушителя и позволяет более полно изучить механизм индивидуального преступного поведения. Выводы, сформулированные в заключении, основываются на проведенном обзоре теоретических источников и работ эмпирического характера.

Keywords: punishment, deterrence theory, rational choice theory, behavioral economics, situational crime prevention, self-control theory.

The summary: The article reviews literature that addresses the question of integration of deterrence theory with other criminological and non-criminological theories. Deterrence theory was originally formulated to test the deterrent potential of punishment. However, we demonstrate that recently it became integrated with rational choice theory. Both theories view individual as a rational subject that is capable of estimating costs and benefits of his/her behavior and deciding to commit crime based on these estimations. We also address the issue of integration with behavioral economics (prospect theory and dual system theory) that contributed to the new vision of individual as being non-necessarily rational; individual's behavior is determined by his/her attitudes towards risk and uncertainty as well as cognitive processes. The article also summarizes recent research projects that test proposition grounded in deterrence as well as self-control theory. This integration allows to provide a more complex analysis of the mechanism of individual criminal behavior. Conclusions are grounded in the review of theoretical as well as empirical articles.

Теория сдерживания относится к тому типу криминологических теорий, которые основаны на идее о том, что правонарушители не отличаются от законопослушных граждан, а преступление является результатом реализации благоприятной возможности¹. Это исследовательское направление отталкивается от идей

классической школой криминологии, в частности, работ Ч. Беккариа и Дж. Бентама. Кроме того, роль в возрождении научного интереса к этой теории играли представители экономической науки - специалисты в области экономического анализа права². В последние десятилетия теория сдерживания активно интегрируется с

другими теоретическими подходами: теорией рационального выбора, ситуационного предупреждения преступлений, поведенческой экономики, общей теорией преступности (теорией само-контроля). В центре интегративных теоретических представлений находится не только наказание, а в целом ситуация совершения преступления, а также личностные особенности правонарушителя. Сдерживание с помощью угрозы наказания является лишь одним из аспектов новых теорий. Из простого предположения о том, что уголовному закону и наказанию должна принадлежать существенная роль в удержании людей от совершения преступлений, теория сдерживания на современном этапе превратилась в сложную конструкцию, детальным образом объясняющую механизм действия общей превенции через процесс субъективного восприятия санкций и оперирующую большим количеством теоретических понятий.

Из основных предпосылок новых интегративных теорий следует, что предупреждение преступлений должно строиться прежде всего на основе воздействия на ситуацию совершения преступлений. Задачей превентивных стратегий должно стать повышение усилий, требующихся для совершения преступления, степени воспринимаемых преступником рисков, а также снижение уровня воспринимаемых выгод. Целью настоящей работы является рассмотрение того, каким образом происходила интеграция теории сдерживания и других криминологических, психологических и экономических подходов. В связи с этим мы ставим задачи по освещению основных теоретических положений, свойственных новым интегративным подходам и изложению выводов некоторых эмпирических исследований.

Теория сдерживания и теория рационального выбора. Теория сдерживания и теория рационального выбора появились в последней трети 20 века в качестве относительно самостоятельных наборов предположений о факторах, предопределяющих выбор преступного поведения. Но в последние десятилетия они сливаются в единое исследовательское направление. Считается, что теория рационального выбора была импортирована в криминологию не из классической криминологии, а из экономической теории³. Экономист Г. Беккер ставит задачу разработать максимально оптимальные с экономической точки зрения меры борьбы с преступностью и утверждает, что криминологическая наука, если она хочет быть полезна для правоприменительной практики, должна применить к криминологической проблематике

традиционный экономический анализ, изучающий, каким образом индивиды осуществляют выбор своего поведения⁴. Р. Познер, другой знаменитый пионер в области экономического анализа права и преступности, полагал, что преступлением является любое поведение, которое идет в обход рыночных механизмов, а значит с экономической точки зрения является неэффективным⁵.

С экономической точки зрения, решение о совершении преступления ничем не отличается от любого другого типа поведения – решения поменять работу, пойти в кино или совершить покупку. Согласно экономической модели ожидаемой полезности (*expected utility model*), индивид совершит преступление в том случае, если ожидаемая полезность от этого действия превысит полезность от траты времени и иных ресурсов на занятие другой деятельностью. Г. Беккер указывает, что люди становятся преступниками не потому, что они в большей степени мотивированы на совершение преступлений, а потому, что они по-другому оценивают выгоды и убытки от своего поведения⁶. Он также подчеркивает, что выгодность совершения преступления определяется отношением правонарушителя к риску, и не связана напрямую с эффективностью деятельности полиции или с суммами, потраченным из государственного бюджета на борьбу с преступностью⁷. Но государство может использовать понимание этого обстоятельства на то, чтобы создать более эффективные модели противодействия преступности.

В криминологии родоначальниками теории рационального выбора считаются Д. Корниш и Р. Кларк., которые в середине 1980-х гг. опубликовали ряд работ, содержащих основные теоретические положения этого подхода⁸. Отправной точкой теории является положение о том, что любое преступление, даже кажущееся на первый взгляд иррациональным, всегда совершается после предварительного (пусть иногда и мгновенного) обдумывания и принятия решения. Оно всегда направлено на то, чтобы принести выгоду правонарушителю. Эта выгода не всегда является материальной. Часто индивид идет на преступление из соображений престижа, получения морального или сексуального удовлетворения, от скуки или желания получить острые ощущения.

При этом теория рационального выбора утверждает, что в реальной жизни, в отличие от экономических моделей, имитирующих поведение в реальности, рациональность не является абсолютной. Важно подчеркнуть, что даже экономическая модель ожидаемой полезности

не предполагает, что индивид обладает идеальной информацией о всех возможных альтернативах поведения и способен принять именно наилучшее из всех возможных решений. В ее основе лежит предположение о том, что рациональность индивида является ограниченной⁹, но он в состоянии собирать, обрабатывать информацию и принимать на ее основе такие решения, которые максимизируют его выгоду и минимизируют потери¹⁰.

Действительно, индивид не всегда в полной мере осознает все имеющиеся возможности, грозящие опасности, потенциальные последствия, да и не может их осознать ввиду недостатка информации. Результатом этого является принятие спонтанных или эмоциональных решений – вместо детального продумывания всех аспектов потенциального преступления, правонарушитель полагается на имеющийся опыт и импровизирует в непредвиденной ситуации. Таким образом, в случае, когда время на принятие решения ограничено, отсутствует полная информация, и не все ресурсы доступны, процесс принятия решения индивидом будет рациональным, хотя и ограниченно-рациональным.

В настоящее время теория рационального выбора является логическим продолжением теории сдерживания. Точнее, эти два направления работают в русле единой исследовательской парадигмы рационального выбора. Например, в работе Т. Бэйкера и Т. Пикеро анализ факторов, которые удерживают индивида от совершения преступлений дополняется изучением тех обстоятельств, которые находятся на стороне не убытков, а благ, которые можно получить в результате нарушения закона¹¹. В своей работе ученые впервые проводят мета-оценку более чем 40 исследований, посвященных именно этой части уравнения. Под благами, которые нарушитель ожидает получить, совершая преступление, можно понимать психологические блага (ощущение подъема, удовольствия, собственного превосходства), а также материальные. Как продемонстрировало исследование, для преступников, относящихся к группе риска, возможность получения материальных благ была менее существенным фактором, чем для других типов преступников.

Теория рационального выбора рассматривает не только вопрос о выгодах и издержках преступного поведения. В работе С. Анвар и Т. Лугрэна изучается влияние имеющегося опыта совершения преступлений на решимость продолжить преступную деятельность. Используя Байесовскую модель научения¹², ученые показывают, как люди «обновляют» свое восприятие

риска совершения преступления с течением времени¹³. В том случае, если индивида уже задерживали в прошлом за совершение преступления, он склонен оценивать вероятность будущего ареста на 6,3 процента выше, чем новичок. А еще более опытные преступники, напротив, менее восприимчивы к фактам задержания в прошлом. Другие исследователи обращали внимание на то, что восприятие риска зависит и еще от ряда иных ситуативных факторов (наличие камер видеонаблюдения или присутствие полицейских), соответственно, под влиянием этих факторов индивиды также будут обновлять свои представления¹⁴. Индивид попадает в ситуацию совершения преступления, обладая определенным восприятием рисков, но это восприятие будет меняться в зависимости от факторов окружающей среды¹⁵. Оценка роли этих факторов в процессе принятия решений является перспективным направлением развития криминологической теории сдерживания.

Д. Нэгин, Р. Солоу и С. Лам создают интегративную теорию сдерживания (НСЛ-теория)¹⁶, объединяющую подходы классической теории сдерживания, криминологии окружающей среды, теории полицейской деятельности. Эта модель принимает во внимание как убытки, так и выгоду от совершения преступления, и может использоваться для совершенствования полицейской деятельности, осуществляемой на основе анализа «горячих точек», случайного патрулирования и проблемно-ориентированного подхода к полицейской деятельности. Они указывают, что полицию следуют чаще привлекать к превентивной деятельности в качестве «часовых», которые препятствовали бы формированию преступного намерения посягнуть на определенную цель. НСЛ-теория объясняет, почему превенция является эффективнее реакции (задержания преступника). Раскрываемость преступлений, по их мнению, не является показателем, который указывал бы на успешность полицейской деятельности. Поскольку аресты не обладают существенным общепревентивным эффектом, этот эффект мог бы обеспечиваться именно за счет физического присутствия полицейских в «горячих точках», т.е. тех местах, где возможность совершения преступлений наиболее высока.

Дж. Пикет и С. Роше высказали сомнения в верности этой теории и предложили альтернативное объяснение¹⁷. Они предлагают рассматривать индивида как реальное существо, а не как идеального экономического агента. Для такого человека сдерживающим эффектом обладала бы, например, достоверная информация

о степени вероятности ареста, на основании которой он бы обновлял свои субъективные представления о рисках¹⁸. То есть эффективными должны быть не символические превентивные меры, а информирование потенциальных правонарушителей и «подталкивание» их в сторону законопослушного поведения¹⁹. В настоящий момент криминологии провели еще не так много исследований, основанных на идеях поведенческой экономики, но эта область представляется одним из наиболее перспективных направлений в рамках теорий сдерживания и р

а Теория сдерживания и поведенческая экономика. Теория сдерживания в последние 10-15 лет существенно усложнилась и все активнее пользуется достижениями бихевиоральной (поведенческой) экономики, в частности, идеями теории перспектив (prospect theory) Д. Канемана и А. Тверски, разработанной для анализа поведения человека в условиях риска и принесшей авторам Нобелевскую премию²¹. Согласно базовым положениям этой теории, люди, во-первых, тяжелее воспринимают потери, чем радуются от сравнимых выигрышей, во-вторых, имеет значение не конечный выигрыш или потеря, а их относительная ценность, в-третьих, в случае, когда вероятность события крайне низка, люди склонны недооценивать риски, что может приводить к высоко-рискованному поведению, а в случае, когда вероятность высока, люди склонны преувеличивать риск и воздерживаться от соответствующего поведения. Новый виток развития теории сдерживания показывает, какое значение эта теория имеет для такого рискованного поведения, как преступное. Рассмотрим подробнее результаты ряда эмпирических исследований последних двух десятилетий.

В ряде работ Д. Нэгина и Г. Погарски теория сдерживания концептуально усложняется и интегрирует идеи теории перспектив. В исследовании 2001 г., впервые была протестирована трехкомпонентная модель сдерживания с помощью наказания (оценивалось восприятие его суровости, неотвратимости, а также быстроты). В ходе исследования студентам было предложено оценить гипотетический сценарий, описывающий такое правонарушение, как вождение в нетрезвом виде²². Исследователи варьировали виды формальных санкций и быстроту их наступления; также оценивался эффект неформальных санкций и восприятие вероятности задержания полицией. Выводы исследования в целом подтверждали предположения теории сдерживания – студентов удерживала неизбежность наказания, но не суровость или быстрота

его применения. А наибольшим эффектом обладали неформальные санкции. Другим интересным выводом этого исследования было то, что ученые обнаружили, вопреки предположениям экономистов, что для определенного числа респондентов эффект дисконтирования применительно к формальным санкциям является обратным – то есть последствия санкций, наступающих позже, воспринимаются людьми как более негативные, чем санкций немедленных.

Подтверждение более весомого эффекта неотвратимости наказания в сравнении с суровостью было получено в работе этих же авторов в 2003 г.²³. Проведенный эксперимент позволил оценить значение индивидуальных характеристик респондентов и ситуативных факторов для сдерживания и подтвердил, что чаще жульничают на экзаменах те студенты, которые импульсивны, не обладают хорошими способностями решать проблемы, приписывают все достижения своим способностям, а неудачи – плохо сложившимся обстоятельствам, и которые склонны к иным формам девиантного поведения.

Используя данные из национального опроса о здоровье несовершеннолетних Д. Нэгин и Г. Погарски делают вывод о том, что сдерживание работает неодинаково для разных типов преступлений и разных типов правонарушителей²⁴. Импульсивные мужчины, т.е. те, кто не задумывается о будущем при принятии решения о совершении преступления, менее подвержены влиянию угрозы санкций при совершении насильственных преступлений. Те же мужчины, которые недооценивают отдаленные последствия санкций, и вообще любые события, которые произойдут в будущем, не боятся совершать имущественные преступления, а их импульсивность играет чуть меньшую роль. Ситуация с женщинами-правонарушительницами сложнее. Эффект импульсивности был найден только для одного типа преступлений. А недооценка отдаленных последствий имела значение для трех типов преступлений, как имущественных, так и насильственных.

Используя данные двух опросов граждан, Т. Лугран, Р. Патерностер, Г. Погарски и Р. Пикеро проверили, предпочитают ли люди определенность, воздерживаются ли они от принятия решений в том случае, если результат поведения совершенно невозможно предсказать, при принятии решений о совершении преступлений²⁵. Выяснилось, что студенты предпочитали воздерживаться от совершения поступка, убытки и выгоды от которого не были в достаточной степени определенными. Это может

означать, что более неопределенное наказание в лучшей степени удерживает от совершения преступлений. Данные второго опроса указали на еще более интересные зависимости между неопределенностью и поведением. Выяснилось, что, когда люди воспринимают вероятность наказания как низкую, они склонны воздерживаться от рисков. Однако если вероятность высока, то люди готовы рисковать, но только в том случае, если им не вполне понятно, какое наказание их может ждать. То есть в ряде случаев индивиды предпочитают неопределенность определенности.

В работе этих же авторов 2012 г. была выявлена функциональная форма зависимости между восприятием риска и правонарушениями. Выяснилось, что сдерживающая функция наказания активизируется лишь в том случае, когда степень восприятия риска достигает определенного порогового значения и не превышает его (вероятность задержания должна быть в промежутке между 0,3 и 0,4²⁶). При этом более высокая оценка риска связана с усилением сдерживающего эффекта. То есть даже при незначительном изменении оценки вероятности задержания правонарушители, которые считают, что вероятность задержания очень высока, будут все в большей степени склонны принимать решение об отказе от совершения преступления.

Используя иную исследовательскую методологию, С. Бушвэй и Э. Оуэнс доказали, что в том случае, если судьи при назначении наказания не соблюдают рекомендации, предложенные законодателем, а назначают более короткие сроки лишения свободы, то это способствует увеличению уровня рецидива²⁷. Этот вывод также соответствует положениям теории перспектив: если осужденному назначается наказание ниже того, на которое он рассчитывал, то это может способствовать увеличению его преступной активности в будущем.

Теория сдерживания и теория самоконтроля. Другим современным направлением в теории сдерживания является попытка ее интеграции и с более традиционными криминологическими теориями, которые связывают преступное поведение и устойчивые черты характера индивида. Одной из таких теорий является теория самоконтроля М. Готтфредсона и Т. Хирши²⁸. Так, еще в 1993 г. Д. Нэгин и Р. Патерностер обнаружили, что преступное поведение объясняется переменными, которые используются обеими теориями²⁹. Позднее А. Пикеро и С. Тиббетс оценивали влияние самоконтроля и ситуативных факторов (восприятия рисков со-

вершения преступления) на решимость совершить преступление³⁰ и пришли к выводу, что низкий самоконтроль снижает значение рациональных оценок вероятности ареста. Теория ситуативных действий П.-О. Викстрема³¹, интегрирующая теорию рационального выбора и теории о факторах, детерминирующих склонность к совершению преступлений, напротив, предсказывает, что низкий уровень самоконтроля увеличивает сдерживающий эффект наказания³². Эмпирическая проверка этого теоретического положения в России³³, а также в 3

т Интеграция теории сдерживания и теории самоконтроля также осуществлялась с помощью привлечения идей из области поведенческой экономики, а именно теории о двух системах мышления³⁵. В популярной форме эта теория изложена в книге Нобелевского лауреата Д. Канемана «Думай медленно... Решай быстро³⁶». Он предположил, что поведение человека определяется не одной, а двумя системами мышления. Первая заставляет нас действовать интуитивно, быстро, автоматически, практически без участия сознания. Она является реактивной и используется при необходимости принять быстрое решение «здесь и сейчас», часто основывается на привычках и социальных ожиданиях. Подчинить эту систему доле удастся не всегда. Суждения формируются на основе ярлыков, которые называются эвристикой. А вторая система мышления позволяет тщательно обдумывать свое поведение, взвешивать различные альтернативы. Эти системы действуют одновременно, но их влияние на итоговое решение зависит от индивидуальных различий, ситуативных факторов и желаемых результатов³⁷. Применительно к преступному поведению эта теория позволяет понять, почему индивиды совершают преступления в том случае, если выгода от его совершения крайне мала, а вот последствия могут быть крайне не-

б
п Наличие двух систем мышления позволяет объединить в одной объяснительной модели как идею о рациональности, так и такой детерминирующий преступное поведение фактор, как импульсивность, присущую тем, кто не обладает самоконтролем³⁹. Исследователи пришли к выводу, что высокий уровень когнитивных способностей, связанных с работой второй (медленной) системы мышления, в некоторой степени влияет на решимость совершить преступление. В изначальной версии теории М. Готтфредсона и Т. Хирши уровень импульсивности был одним из шести факторов, свиде-

34

Д
О
Л
Г
О

тельствующих о наличии или отсутствии самоконтроля. Ч. Мамаек и ее коллеги в своем исследовании продемонстрировали, что импульсивность и самоконтроль - это две разные переменные. При этом импульсивность является характеристикой быстрой системы мышления, а самоконтроль - медленной. Соответственно, наименее склонны совершать правонарушения те, кто не импульсивен и обладает самоконтролем, но даже высокий уровень самоконтроля в сочетании с высокой импульсивностью не спо-

Заключение. Следует отметить, что современные интегративные модели бросают вызов на саму основополагающую идею теории сдерживания о рациональности индивида. Чем более тщательными и сложными становятся эмпирические исследования, тем менее разумным предстает индивид. Это заставляет некоторых исследователей призывать к отказу от теоретической модели рационального индивида в пользу изучения чисто ситуативных элементов механизма преступления⁴¹. Заметим, что такой безразличный взгляд на место правонарушителя в системе ситуационного предупреждения преступлений резонирует с таким же его образом в пенитенциарной системе. Он объект, к которому применяются определенные управленческие стратегии - будь то превентивное наказание, превентивные принудительные мера или наблюдение с помощью видеокамер. При этом криминологи указывают даже, что восприятие индивида как рационального мешает эффектив-

но Тем не менее в последние годы интегративная теория принятия решений (а именно так наиболее правильно было бы называть современные подходы, основанные на теории сдерживания) набирает все большую популярность, и в издательстве Оксфордского университета в 2017 г. выходит даже отдельное Руководство по изучению того, как правонарушитель принимает решение о совершении преступления⁴³. Т. Шугрэн и коллеги публикуют работу, в которой доказывают, что теория рационального выбора является общей теорией преступности, т.е. такой интегративной теорией, которая обладает объяснительным потенциалом в отношении любых типов преступного поведения⁴⁴. Мы видим, что эта теория позволяет объяснять мелкие правонарушения, тяжкие насильственные преступления, имущественные и должностные преступления, беловоротничковую и организованную преступность, киберпреступления. Теория принятия решений не рассматривает индивида как исключительно экономического рационального агента, а интегрирует положения и

других психологических и криминологических теорий о личностных особенностях правонарушителя.

На статус всеобъемлющей теории ранее претендовала теория самоконтроля, но, по всей видимости, в настоящее время идеи о рациональном выборе в большей степени соответствует потребностям практики предупреждения преступности. Теория принятия решений объясняет преступное поведение с помощью указания на «управляемые» факторы - повышение вероятности задержания, скорости реагирования на совершение преступления, символическое или реальное увеличение числа полицейских на улицах, патрулирование «горячих точек». Одновременно с этим теория определенно указывает на те параметры личности правонарушителя, которые приводят к совершению преступлений. Импульсивность, недостаток когнитивных способностей - это те факторы, которые тоже поддаются воздействию и относительно легко диагностируются для определения степени риска индивида. Несмотря на то, что мета-исследования демонстрируют в целом достаточно низкий предсказательный потенциал теорий рационального выбора в сравнении с другими криминологическими теориями, именно полезность для современной практики контроля над преступностью и объясняет такую популярность теорий рационального выбора.

Теория сдерживания предлагает предупреждать преступления не только с помощью реального усиления правоохранительной деятельности. Государство может использовать большой арсенал символических средств, которые демонстрировали бы правонарушителю, что совершать преступление невыгодно, поскольку риск быть задержанным довольно высок. Как указывают Дж. Пиккетт и его коллеги, страх может быть мощным сдерживающим ситуативным фактором, но также он влияет и на формирование предрасположенности совершить преступление⁴⁵. Более того, уровень испытываемого страха является более значимым фактором, нежели самоконтроль или опыт⁴⁶. Ученым еще предстоит выяснить, как именно следует «пугать» правонарушителей, чтобы удержать их от совершения преступлений, каких именно индивидов можно удержать от причинения вреда с помощью воздействия на их когнитивные способности и эмоции. Однако совершенно очевидно, что современные стратегии предупреждения преступлений будут и дальше строиться с учетом достижений интегративной теории сдерживания.

- ¹ Подробнее о различиях этих подходов см.: Nagin D. S., Paternoster R. Enduring individual differences and rational choice theories of crime // *Law and Society Review*. 1993. Vol. 27. No. 3. P. 467-496.
- ² Латов Ю.В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // *Истоки*. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 228-270.
- ³ Paternoster R., Bachman R. Perceptual deterrence theory // *The Oxford handbook of criminological theory*. / Ed. by Cullen F. T., Wilcox P. – Oxford University Press, 2015. P. 19.
- ⁴ Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach // *Journal of Political Economy*. – 1968. – Vol. 76. – №. 2. – P. 170.
- ⁵ Posner R. A. An economic theory of the criminal law // *Columbia law review*. – 1985. – Vol. 85. – №. 6. – P. 1200.
- ⁶ Becker G.S. P. 176.
- ⁷ Ibid. P. 179.
- ⁸ Clarke R. V., Cornish D. B. Modeling offenders' decisions: A framework for research and policy // *Crime and justice*. – 1985. – Vol. 6. – P. 147-185; Cornish D. B., Clarke R. V. (ed.). *Reasoning Criminal-Rational Choice Perspectives on Offending*. – Springer-Verlag, 1986.
- ⁹ Подробнее о концепции ограниченной рациональности см.: Simon H. A. Theories of bounded rationality // *Decision and organization*. 1972. Vol. 1. №. 1. P. 161-176.
- ¹⁰ Paternoster R., Bachman R. Op. cit. P. 19.
- ¹¹ Baker T., Piquero A. R. Assessing the perceived benefits—criminal offending relationship // *Journal of Criminal Justice*. 2010. Vol. 38. №. 5. P. 981-987.
- ¹² Байесовская модель научения основывается на теории вероятности Т. Байеса; она объясняет, каким образом индивиды меняют свои субъективные представления о действительности на основе полученного нового знания.
- ¹³ Anwar S., Loughran T. A. Testing a Bayesian learning theory of deterrence among serious juvenile offenders // *Criminology*. 2011. Vol. 49. №. 3. P. 667-698.
- ¹⁴ Pogarsky G., Roche S. P., Pickett J. T. Heuristics and biases, rational choice, and sanction perceptions // *Criminology*. 2017. Vol. 55. №. 1. P. 85-111.
- ¹⁵ Ibid. P. 102.
- ¹⁶ Nagin D. S., Solow R. M., Lum C. Deterrence, criminal opportunities, and police // *Criminology*. 2015. Vol. 53. №. 1. P. 74-100.
- ¹⁷ Pickett J. T., Roche S. P. Arrested development // *Criminology & Public Policy*. 2016. Vol. 15. №. 3. P. 727-751.
- ¹⁸ Pickett J. T., Loughran T. A., Bushway S. Consequences of legal risk communication for sanction perception updating and white-collar criminality // *Journal of Experimental Criminology*. 2016. Vol. 12. №. 1. P. 75-104.
- ¹⁹ О теории «подталкивания» см.: Sunstein C. R., Thaler R. H. *Libertarian paternalism is not an oxymoron* // *The University of Chicago Law Review*. – 2003. – Vol. 70 (4). P. 1159-1202; Thaler R., Sunstein C. *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. – New Haven: Yale University Press, 2008. 293 p. В русском переводе см.: Талер Р., Санстейн К. *Nudge. Архитектура выбора*. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2017. 240 с.
- ²⁰ См., например: Pickett J. T., Roche S. P., Pogarsky G. Toward a bifurcated theory of emotional deterrence // *Criminology*. 2018. Vol. 56. №. 1. P. 27-58.
- ²¹ Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. №. 2. P. 263-292; Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty // *Journal of Risk and uncertainty*. 1992. Vol. 5. №. 4. P. 297-323.
- ²² Nagin D. S., Pogarsky G. Integrating celerity, impulsivity, and extralegal sanction threats into a model of general deterrence: Theory and evidence // *Criminology*. 2001. Vol. 39. №. 4. P. 865-892.
- ²³ Nagin D. S., Pogarsky G. An experimental investigation of deterrence: Cheating, self-serving bias, and impulsivity // *Criminology*. 2003. Vol. 41. №. 1. P. 167-194.
- ²⁴ Nagin D. S., Pogarsky G. Time and punishment: Delayed consequences and criminal behavior // *Journal of Quantitative Criminology*. 2004. Vol. 20. №. 4. P. 295-317.
- ²⁵ Loughran T. A., Pogarsky G., Piquero A. R., Paternoster R. On ambiguity in perceptions of risk: implications for criminal decision making and deterrence // *Criminology*. 2011. Vol. 49. №. 4. P. 1029-1061.
- ²⁶ Loughran, T. A., Pogarsky, G., Piquero, A. R., & Paternoster, R. (2012). Re-examining the functional form of the certainty effect in deterrence theory // *Justice Quarterly*. 2012. Vol. 29. №. 5. P. 712-741.
- ²⁷ Bushway S. D., Owens E. G. Framing punishment: Incarceration, recommended sentences, and recidivism // *The Journal of Law and Economics*. 2013. Vol. 56. №. 2. P. 301-331.
- ²⁸ Gottfredson M. R., Hirschi T. *A general theory of crime*. – Stanford: Stanford University Press, 1990. 297 p.
- ²⁹ Nagin D. S., Paternoster R. Enduring individual differences and rational choice theories of crime // *Law and Society Review*. 1993. Vol. 27, No. 3. P. 467-496.

³⁰ Piquero A., Tibbetts S. Specifying the direct and indirect effects of low self-control and situational factors in offenders' decision making: Toward a more complete model of rational offending // *Justice quarterly*. – 1996. – Vol. 13. – №. 3. – P. 481-510.

³¹ Подробнее об этой теории см.: Wikström P. O. H. Crime as alternative: Towards a cross-level situational action theory of crime causation // *Beyond empiricism: Institutions and intentions in the study of crime*. / Edited by J. McCord. Transaction, 2004. P. 1-37; Wikström P. O. H. Why crime happens: A situational action theory // *Analytical sociology: actions and networks*. / Edited by G. Manzo. John Wiley & Sons, 2014. 448 p. Chapter 3. 74-94.

³² Wikström P. O. H., Treiber K. The role of self-control in crime causation: Beyond Gottfredson and Hirschi's general theory of crime // *European Journal of criminology*. 2007. Vol. 4. №. 2. P. 237-264.

³³ Tittle C. R., Botchkovar E. V. Self-control, criminal motivation and deterrence: An investigation using Russian respondents // *Criminology*. 2005. Vol. 43. №. 2. P. 307-354.

³⁴ Hirtenlehner H., Pauwels L. J. R., Mesko G. Is the effect of perceived deterrence on juvenile offending contingent on the level of self-control? Results from three countries // *British Journal of Criminology*. 2013. Vol. 54. №. 1. P. 128-150.

³⁵ Kahneman D. A perspective on judgment and choice: mapping bounded rationality // *American psychologist*. 2003. Vol. 58. №. 9. P. 697.

³⁶ Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. – Macmillan, 2011. На русском языке см.: Канеман Д. *Думай медленно... Решай быстро*. М., 2017. 710 с.

³⁷ Mukherjee K. A dual system model of preferences under risk // *Psychological review*. 2010. Vol. 117. №. 1. P. 243.

³⁸ Van Gelder J. L., de Vries R. E. Rational misbehavior? Evaluating an integrated dual-process model of criminal decision making // *Journal of Quantitative Criminology*. 2014. Vol. 30. №. 1. P. 1-27.

³⁹ Mamayek C., Loughran T., Paternoster R. Reason taking the reins from impulsivity: The promise of dual-systems thinking for criminology // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2015. Vol. 31. №. 4. P. 426-448.

⁴⁰ *Ibid.* P. 442.

⁴¹ Tilley N., Wortley R. Does situational crime prevention require a rational offender? // *The Future of Rational Choice for Crime Prevention*. / Edited by Reynald D., Leclerc B. Routledge, 2017. P. 8-29.

⁴² *Ibid.*

⁴³ Bernasco W., Elffers H., Van Gelder J. L. (ed.). *The Oxford Handbook of Offender Decision Making*. Oxford University Press, 2017. 760 p.

⁴⁴ Loughran T. A., Paternoster, R., Chalfin, A., Wilson, T. Can rational choice be considered a general theory of crime? Evidence from individual-level panel data // *Criminology*. 2016. Vol. 54. №. 1. P. 86-112.

⁴⁵ Pickett J. T., Roche S. P., Pogarsky G. Toward a bifurcated theory of emotional deterrence // *Criminology*. 2018. Vol. 56. №. 1. P. 27-58.

⁴⁶ *Ibid.* P. 27.